

К СТОЛЕТИЮ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 93/94

Постников Н.Д.

Московский государственный областной университет

«ЭТОТ БОЙ НАПОМИНАЛ БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ» БОИ НА РАВКЕ В ПИСЬМАХ С ФРОНТА (ДЕКАБРЬ 1914–ЯНВАРЬ 1915)

Аннотация. В статье рассказывается о малоизвестной странице Первой мировой войны на русско-германском фронте – сражении на реке Равке в январе 1915 г., в так называемом «Боломовском мешке». Анализируются оперативные действия русского и германского командований и стратегические цели, которые ставило перед собой германское командование, начиная наступление на Равке. Статья дополняется фронтовыми письмами, авторы которых русские офицеры рассказывают о боях за ключевые пункты обороны Гумин и Волю Шидловскую, во время которых немцы впервые на Восточном фронте применили отравляющие вещества.

Ключевые слова: Равка, письма, Гумин, Воля Шидловская, массированные атаки, отравляющие вещества.

N. Postnikov

Moscow State Regional University

“THIS FIGHT RESEMBLED THE BATTLE OF BORODINO” BATTLES ON THE RAWKA IN THE LETTERS FROM THE FRONT (DECEMBER 1914–JANUARY 1915)

Abstract. The article tells about a little-known page of the First World War on the Russian-German front battle on the river Rawka in January 1915, in the so-called “Bolimow bag”. Analyzes the operational actions of the German and Russian commands and strategic objectives, which set itself the German command starting offensive on the river Rawka. Article complemented by letters from the front, the authors of which Russian officers talk about the battle for the key points of defense in Humin and Wola Szydlowiecka, during which the Germans used the first time on the Eastern Front poisons.

Key words: Rawka, letters, Humin, Wola Szydlowiecka, massive attacks, poisons.

До сих пор при изучении истории Первой мировой войны не уделялось достойного внимания такому интересному

© Постников Н.Д., 2014.

источнику, как письма с фронта. А между тем в различных архивах, и прежде всего в Российском военно-историческом архиве (РГВИА), находится несколько томов писем с фронта и выдержек из них. Многие письма отложились и в отдельных делах. Это стало возможным благодаря введению в начале войны в России «Временного Положения о военной цензуре». «Положение» разрешало просматривать все почтовые отправления с фронта, делать перлюстрации и даже изымать письма, в которых так или иначе затрагивались военная тематика. Так фронтовые письма и дошли до нас, и ждут часа своей публикации.

Письма с фронта, пожалуй, как никакой другой источник, за исключением военных воспоминаний, дают очень личностное отношение их авторов к войне, и тем самым показывает правду войны совершенно иначе, чем военные сводки, репортажи, журналы военных действий и другие документы, носящие официальный характер. В этом и заключается ценность фронтовых писем как источника.

Предлагаемая подборка фронтовых писем объединена общей темой – боями в Польше на реке Равке, проходившими в декабре 1914 – январе 1915 гг. и отличавшимися невиданным ожесточением.

В ноябре 1914 г. завершилась одна из крупнейших битв 1914 г. на Восточном фронте – Лодзинское сражение. Хотя ни один из противников не смог одержать решающей победы, но стратегическая инициатива в Польше всё же перешла к немцам. 9-я германская армия под командованием генерала А. Макензена продолжила наносить концентрированные удары по русским войскам, что вынудило их оставить

Лодзь и Лович. В этих условиях Главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал Н.В. Рузский предложил отступить к Варшаве, но Ставка не поддержала решение Н.В. Рузского, и войска Северо-Западного фронта продолжили вести оборонительные бои. 1/14 декабря 1914 г. немцам удалось прорвать фронт на правом фланге 1 армии, где VI Сибирский корпус не смог удержать свои позиции и отступил за Бзуру¹. В результате сложившегося положения Н.В. Рузский 3/16 декабря приказал V и VI Сибирским и II Кавказскому корпусам 1-й армии отойти на правый берег Бзуры, а войскам 2-й и 5-й армий – к Равке². Во исполнение приказа Н.В. Рузского 3/16 декабря 1914 г. русские войска отступили на новую линию обороны, заняв рубежи вдоль рек Бзура и Равка. Позиции на реке Равке заняла 2-я армия генерала В.В. Смирнова.

К концу 1914 г. в русской армии разразился «снарядный голод», и в декабре во 2-й армии был издан приказ использовать в день, в обычных условиях, не более 3 снарядов на орудие³. У германского командования не было проблем со снарядами, и оно использовало своё преимущество в артиллерии, применив новую тактику боя. С помощью массированных артиллерийских обстрелов немцы безнаказанно «утюжили» русские позиции, сравнивая с землёй окопы, размётывая в клочья блиндажи и землянки, в то время как русская артиллерия молчала, что, по словам очевидцев, «рождало в стрелках подавленное состояние»⁴.

¹ Река Бзура – приток Вислы.

² Река Равка – приток Бзуры.

³ РГВИА. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 188. Л. 141об.

⁴ Там же. Л. 142.

После таких артиллерийских обстрелов немцы часто переходили в атаку колоннами в несколько линий. Один из офицеров писал, что в боях на Равке 18-20 января/31 января-2 февраля 1915 г. немцы шли на русские позиции «плечом к плечу, локоть к локтю», как при Бородино¹, а количество линий в наступающих цепях достигало двадцати одной одновременно [6, р. 104]. Такая тактика немецкого командования, кроме всего прочего, носила характер психического воздействия, ставя своей целью подавить волю русских солдат к сопротивлению, показать несокрушимость германского оружия, силу духа немецкого солдата, неустрашимо идущего в атаку на русские пулемёты, на верную смерть во имя победы над врагом. Об этом так и написал один из офицеров, участвовавших в январском сражении 1915 г. в «Болимовском мешке»: «У немцев безумная храбрость. Если немцы идут в атаку, не идут, а лезут, то они идут без задней мысли о сохранении жизни, а идут, заранее обрекли себя на смерть»².

Но и русские войска, несмотря на большие потери, достигавшие начиная с ноября 1914 г. 40-75% личного состава частей [3, с. 183], проявляли огромную выдержку и стойкость, отражая атаки противника, не сдавая своих позиций, не поддаваясь панике. При этом случалось, что за день гибли целые полки. «Должен тебе сообщить печальную новость. Погиб весь полк»³, – писал в своём письме с фронта очевидец гибели полка русской армии. – Только и спаслись мы и кто в обо-

зе. Это произошло 6-го Декабря, 2-й батальон погиб почти весь в огне, а из остальных батальонов те, кто остались в живых, попали в плен. <...>Все остались в огне и у немцев. Понимаешь ни души. Как в воду канул целый полк» [5, с. 91].

В результате бои на Равке и Бзуре стали принимать характер кровавой бойни. Вот только одно из писем, которое в полной мере показывает жесточечие этих боёв. «В некоторых местах наши окопы подходят к немецким шагов на 150-200, – писал с передовой неизвестный, – так что буквально нельзя высунуть голову, ибо сейчас же начинают свистеть пули. Наши окопы находятся по одну сторону Бзуры, немецкие – по другую. Мы обороняем мост. Вчера немцы хотели переправиться на нашу сторону, но, подпустив их до половины моста, мы открыли такой адский огонь, что немцы должны были сломя голову бежать. На мосту были навалены буквально горы трупов. Сегодня они опять хотели или переправиться или убрать трупы. Наша артиллерия своим метким огнём в момент очистила мост от красномордых колбасников. Правее нас они, во что бы то ни стало, хотели переправиться. Бросились в брод по горло в воде, но наши пулемётчики и стрелки не дали им дойти и до половины. После боя, говорят, вода в реке порозовела. Да так и должно быть, так как их тут положено было не менее 5-6 тысяч» [4, с. 138]. Свидетель этих боёв, английский наблюдатель при русской армии А.У. Фортескью Нокс, поражённый увиденным, писал: «К югу от Сохачёва⁴ русские позволи-

¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 448.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 448 об.

³ Речь в письме идёт о 267-м пехотном Духовщинском полке.

⁴ Сохачев – уездный город Варшавской губернии. Современный город Сохачев находится в Польше.

ли немцам перейти ночью реку¹, пока 15.000 их не очутилось на восточном берегу. Тогда один из наших корпусов сомкнулся с трёх сторон неприятеля. Окружённая дивизия сражалась с отчаянием осуждённых на смерть. <...>Берег ручья имел вид скотобойни. Жалкие остатки пробились обратно на немецкую сторону реки» [4, с. 137].

Несмотря на все атаки немцев, русские войска смогли удержать свои позиции, но это яростное противостояние не прекращалось ни на день, и поля брани покрылись телами павших русских и немецких воинов. Такое всё непрекращающиеся и неослабевающее давление немцев на Бзуре и Равке поставило под угрозу Варшаву, до которой по прямой оставалось не более 60 километров. Чтобы не допустить этого, русское командование было вынуждено усиливать свою группировку на этом участке русско-германского фронта, подтягивая резервы, перебрасывая войска с других направлений. Так, в середине декабря из Восточной Пруссии на Равку в район деревень Могелы, Гумин, Воля Шидловская прибыла 25 пехотная дивизия. К концу декабря 1914 г. на этом незначительном участке фронта, протяжённостью не более 7-8 километров, который защищал VI армейский корпус 2-й русской армии, была сосредоточена группировка численностью в 32513 штыков², и войска всё продолжали прибывать.

Такая концентрация русских войск из состава 2-й армии генерала В.В. Смирнова на Равке была на руку немецкому командованию. Именно здесь немцы решили провести демон-

страцию наступления на Варшаву. При этом немецкое командование не ставило перед собой стратегической цели обязательного прорыва фронта и захвата Варшавы. Главной задачей было ввести в заблуждение русское командование, отвлечь его внимание и не дать возможности перебросить свои войска из Польши в Восточную Пруссию [8, S. 165], где в конце января 1915 г. планировалось наступление 10-й и 8-й германских армий, целью которого было окружение и уничтожение 10-й русской армии [1, с. 67-70]. Следует сказать, что германскому командованию удалось добиться своей цели. В то время как командование Северо-Западного фронта усиливало свою группировку на Равке, немцы, наоборот, перебрасывали отсюда войска в Восточную Пруссию и на другие участки фронта. Всего в январе 1915 г. из состава 9-й немецкой армии «было переброшено шесть пехотных и две кавалерийские дивизии» [8, S. 167].

Командующий германскими войсками на востоке генерал П. Гинденбург и его начальник штаба Э. Людендорф подошли к планированию операции наступления на Равку со всей серьёзностью. В полосе главного удара было сосредоточено шесть немецких корпусов (17-й армейский, 1-й резервный, 2-й армейский, 25-й резервный, 20-й и 11-й армейские корпуса) [2]. Огневую поддержку при наступлении осуществляла мощная артиллерийская группировка в составе около 100 батарей (около 500 орудий), в которую входило, в том числе, и 40 батарей тяжёлой артиллерии (150 орудий) [8, S. 166; 9], включая и две австрийские 30 ½ сантиметровые мортиры³. Интен-

¹ Имеется в виду река Бзура, на которой стоит город Сохачев.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 38. Л. 34.

³ Там же. Л. 273.

сивность огня немецкой артиллерии достигала 24 тысячи снарядов в час [6, р. 104]. Во время сражения на Равке немцы обрушили на русские позиции в районе Гумина–Воли Шидловской 18 тысяч снарядов с отравляющим веществом ксиллбромидом [8, S. 166; 7], от которого шла горлом кровь и человек терял сознание. Этой ударной группировке германской армии противостоял один VI армейский корпус, хотя и значительно усиленный.

Сражение на Равке происходило с 17/30 января по 23 января/5 февраля 1915 г. Инициатором сражения было немецкое командование. Сражение развернулось на узком участке фронта шириной не более 6-8 километров, вдоль линии населённых пунктов Боржимов–Могелы–Гумин–Воля Шидловская. Сражение следует разделить на два периода. Первый период длился с 17/30 января по 20 января/2 февраля 1915 г., когда немцы предприняли попытку прорвать русскую оборону, чередуя артиллерийские обстрелы с массированными атаками. Второй период 21 января/3 февраля по 23 января/5 февраля 1915 г., когда части VI армейского корпуса 2-й армии генерала В.В. Смирнова, значительно усиленные свежими частями, по приказу Главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала Н.В. Рузского предприняли отчаянные усилия вернуть утраченные позиции, но так и не смогли отбить захваченную немцами Волю Шидловскую, превращённую в руины. В результате шестидневных боёв силы сторон истощились. Потери VI армейского корпуса генерала В.И. Гурко, принявшего на себя главный удар немцев, за дни

боёв составили – 39264 человека¹. Десять полков русской армии прекратили своё существование². Такова была высокая цена, позволившая корпусу В.И. Гурко остановить наступление немецкой армии в «Болимовском мешке» и заставить её перейти к обороне. Но и немцы, по данным русского командования, за неделю боёв на Равке, в полосе фронта VI-го армейского корпуса, потеряли около 30 тысяч человек [6, р.105]. Огромное число павших на таком малом участке фронта. Всё поле битвы под Гуминым и Волей Шидловской, по воспоминанием одного из русских офицеров, было усеяно мёртвыми телами. «Пространство между окопами, и параллельно противника, было сплошь завалено трупами заколотых немцев ворвавшихся в окоп»³. И далее он продолжал: «Незаметно стало стемнеться. Поставили пулемёт в гнездо, и когда я стал наводить, то мне показалось, что немцы густыми цепями ползут к нашему брустверу. Я хотел открыть огонь, но убедился, что это лежат за день набитые трупы. Так их было много набито, что лёжа со стрелы мне показались они наступающими густыми цепями»⁴.

Свои стратегические задачи, поставленные наступлением на Равке в районе Боржимова – Воли Шидловской, германское командование выполнило, что и подтверждено на страницах «Der Weltkrieg 1914 bis 1918»: «В оперативном отношении, мощное немецкое наступление на Равке являлось победой, в том числе и из-за привлечения русским командованием

¹ РГВИА. Ф. 2190. Оп. 1. Д. 53. 25об.

² Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 73. Л. 346.

³ Там же. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 442. Л. 69.

⁴ Там же. Л. 69 об.

значительных резервов для удержания фронта, что было на пользу грядущим битвам в Восточной Пруссии» [8, S. 167]. К сожалению, приходится признать, что стратегическое планирование и стоящие в связи с этим оперативные задачи были прекрасно разыграны и осуществлены германским командованием на Равке, а русскому командованию пришлось только следовать в фарватере замыслов германской Главной квартиры на Востоке.

Приложение

Письма, выявленные в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), публикуются по современным правилам правописания, с сохранением их стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

1. *Выписка из письма с подписью: «Борис», из действующей армии, 27 декабря¹ 1914 г., к Ивану Федоровичу Розенталю, в Петроград.*

«В ночь с 25-го на 26-е <декабря> наш отряд: Юрьевский и Лифляндский полки и наш 1-й <артиллерийский> дивизион, составляющий резерв армии, отправили для участия в атаке, которая назначена была на 26-е в 5 часов дня. Дивизиону не пришлось участвовать, так как артиллерии здесь много, и для нас не было места, где мы могли бы стать. Теперь мы стоим в резерве, а наша пехота вчера атаковала немцев и взяла два ряда окопов. Позиция врагов представляет собою очень укрепленное место, почти что крепость². Вчера в 4 часа дня началась артиллерийская

подготовка, а в 4 часа 45 минут наша артиллерия, состоящая из 9-ти батарей, не считая нас, открыла ураганный огонь по немцам, после которого наша пехота пошла в атаку. Начался страшный по силе ружейный и пулеметный огонь, но он не мог остановить нашей славной пехоты. Ночь была такая темная³, что атаковать было трудно. Немцы несколько раз переходили в контратаку, но были отбиты. В первый же момент боя Юрьевский полк потерял командира и двух подполковников ранеными⁴. Говорят, в этом полку большие потери, но по силе укреплений, которые приходится брать, потери считают много меньше ожидавшихся. Грустно стоять в резерве в такое время. Гораздо лучше себя чувствуешь, когда сам участвуешь. Когда не участвуешь, уж очень тяжело слушать эту адскую музыку огня: душа тогда как-то болит по тем людям, которые идут в этот огонь»⁵.

2. *Выписка из письма с подписью: «Сеня», из действующей армии, 25 января 1915 г., к Борису Ивановичу Краснокутскому, в Киев.*

«Вы вероятно часто читаете в газетах «Воля Шидловская», «Гумин». Дорого обошлись нам эти деревни. От полка⁶ осталось всего 800 человек, но уже снова все пополнено. Теперь хоть

³ Автор письма, видимо, называет «ночью» ранний декабрьский вечер.

⁴ Во время атаки на фольварк Могелы были ранены: командир полка полковник В.А. Желтышев, командир 1-го батальона подполковник Д.Н. Постников и командир батальона подполковник П.А. Шелковников (См.: РГВИА. Ф. 2712. Оп. 2. Д. 501. Л. 24).

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 15.

⁶ Речь в письме идёт о 14 пехотном Олонском полку, который в течение 18/31 января-20 января/2 февраля 1915 г. сдерживавшего атаки немцев у Воли Шидловской.

¹ Все даты в письмах даны по старому стилю.

² Речь в письме идёт об укреплённой позиции немцев у фольварка Могелы.

опять в бой. Меня спасла моя простуда. Впереди предстоят еще не раз такие бои. 18, 19 и 20 января нельзя было разобрать отдельных выстрелов – сплошной гул на подобие урагана. 100 неприятельских батарей на фронте 3-4 наших полков (10 верст) – это 400 орудий. Батарея из 4-х орудий дает в минуту 8-16 выстрелов. Это на 10 верст, а на 2 версты (участок полка) 200-300 выстрелов в минуту. Окопы были буквально сметены с лица земли. На наш полк, на фронте полторы-две версты шли в атаку густыми колоннами свыше дивизии. Небывалый по современным условиям бой, напоминающий Бородино, где шли в бой плечом к плечу, локоть к локтю. Сами судите, каковы должны быть немецкие потери. Полк молодецки выдержал яростный натиск чересчур превосходных полчищ немцев, лезших на смерть, как тучи саранчи, и удерживал позиции два дня, пока к нему уже растаявшему, не подошли свежие силы и упорными штыковыми контратаками не отбили их обратно. Полк в течение войны 4 раза героически страдал, как теперь, но, несмотря на все новый и новый состав, старый дух Олонецкого полка каким-то чудом передается во вновь приходящих в совершенно для них чужой полк людей. Вероятно, тени погибших кадровых олонцев¹ навевают на вновь прибывших славную 200-летнюю славу полка и не дают ее опозорить. У немцев безумная храбрость. Если немцы идут в атаку, не идут, а лезут, то они идут без задней мысли о сохранении жизни, а идут, заранее обрекши себя на смерть. Обезумевши от опьянения спиртом и от отчаянной голодовки и тяжелых ус-

¹ Олонцы – сокращённое название солдат и офицеров 14 пехотного Олонецкого полка.

ловий обстановки, они ничего не видя, не разбирая, несмотря на меткий огонь нашей артиллерии лезут, как бешенное стадо обезумивших зверей, с криком: «Отдай нам Варшаву, тогда, канцлер сказал, будет мир!». Каковы должны быть храбрость и самоотвержение русских солдатиков, чтобы удержать позицию! «Ты, мол, пройдёшь окопы только через мой труп». Это все время стоит в сознании русского солдата. Между тем, русский солдат не находится в постоянном нервном напряжении, не взвинчивает себя до героизма. У него все выходит как-то просто, естественно. «Бог дал, Бог взял». «От судьбы не убежишь». Под градом пуль и чехоманов², среди валяющихся трупов и беседующих с ним товарищей у него нет даже мысли о возможности смерти. Посмотришь на солдата во время боя, и чувство уважения заливает все ваше существо. Не знаешь. На войне ли ты или среди мужиков в их мирной обстановке: кто пишет письмо, кто зашивает одежду, кто пьет чай, кто беседует о совершенно несоответствующих боевой обстановке предметах, смех, шутки, песни. Вот беседует с вами солдатик. Мгновенье, он убит. Вас захватывает мысль о грани жизни и смерти, о мгновенном, но глубоким по смыслу переходе от кипучей, полной своими интересами жизни к небытию, куска неподвижного мяса. А другой солдатик только оглянется, перекрестится и забудет опять о возможности и для себя смерти. Офицер, как человек нервного высшего общества, должен уже взвинчивать себя на героизм, побороть в себе во что бы то ни стало чувство самосохранения и

² «Чехоманами» называли разрывы снарядов тяжёлой артиллерии.

только после долгой борьбы и при не покидающей его мысли о смерти он должен свыкаться с мыслью: жизнь – мгновенье, смерть. Пришлось мне спать в окопе рядом с трупом. Странный покой нашел на меня при сопоставлении жизни и смерти»¹.

3. *Выписка из письма с подписью: «твой Сеня», из действующей армии, 25 января 1915 г., к Екатерине Оттовне Лева, в Москву.*

«Сейчас сижу в штабе полка в трех верстах от позиции. В последнее время здесь происходили кровопролитные бои, в которых я участвовал и был контужен в ногу. Это уже третье предостережение, и у меня на душе страшная тоска. Я охотно пристроился бы куда-нибудь в штаб в России, если бы это было возможно, или в запасные батальоны. Я был бы очень благодарен, если бы кто-нибудь мог мне это устроить. От войны я устал, тем более, что начальник дивизии генерал Захаров² положительно не хочет считаться с усталостью войск и держит всю дивизию в окопах уже с 10-го декабря непрерывно. Мы потеряли здесь три четверти своего состава, и из полка 4.000 осталось около 800 штыков. Таким образом идет уже не война, а прямо какая-то бойня. Я опять вернулся в свой полк. Роты не имею, потому что во время моего командования батальоном в 218-м полку³ наш 2-й батальон⁴ был

отправлен в атаку на д[еревню] Волю Шидловскую и погиб весь целиком. Осталось только: я и штабс-капитан Итинский, бывшие в это время прикомандированные к другим полкам, и несколько человек нижних чинов. Я был очень благодарен маме, если бы она через Окунькова похлопотала за меня, чтобы меня устроили где-нибудь в России в штабе Округа, в запасных батальонах, в ратнических частях или на театре военных действий, но в тылу. Я страшно устал и хотел бы отдохнуть. Обидно сознание, что отсюда трудно выбраться, когда в России болтается масса офицеров с пустяками. Плужниченко до сих пор не вернулся, не вернулись Лускино, Мередики и много других с пустяковыми болезнями, а мы сидим здесь и не видим в ближайшем будущем просвета, потому что война затягивается и просвете ей не видать более чем в начале ее. К тому же нас всунули сюда, т.е. в самое тяжкое и опасное место и помыкают нами, потому что дивизия действует отдельно и у нас нет ни корпуса, ни другого начальства. Пиши чаще и постарайся устроить меня в менее опасное место»⁵.

4. *Выписка из письма, с подписью: «Никуська», действующая армия, 3-я Туркестанская стрелковая бригада, от 24 января 1915 г., к В.Е. Тертышниковой, в Баку.*

«Начинаем немного нажимать на немца и скоро погоним его в «фатерлянд»⁶, но дорого это стоит. За одну ночь убыло около 2.000 человек только в нашей бригаде. Сволочи,

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 448-449.

² Генерал-майор П.М. Захаров (1866 -1942). В период с 19.07.1914 по 17.10.1915 г. Командующий 55-й пехотной дивизией.

³ Полное название полка – 218 пехотный Горбатовский полк.

⁴ Речь в письме, видимо, идёт о 2-м батальоне 217 пехотного Ковровского полка. 217 Ковровский полк 17 января 1915 г. атаковал Волю Шидловскую и понёс огромные потери. От пол-

ка остались только две роты.

⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 472-472об.

⁶ «фатерлянд» название Германии.

стреляют удушливыми снарядами¹ – после разрыва их вонь ужасная, из горла идет кровь и люди засыпают. Сегодня поймали шпиона и повели расстреливать»².

5. *Выписка из письма с подписью: «Вася», из действующей армии, 26 января 1915 г., к мичману Алексею Васильевичу Алексееву, в Севастополь, крейсер «Кагул».*

«20-го января рано утром нам стало известно, что в 11 ч[асов] будет наступление; настроение великолепное, по диспозиции наступление должно было вестись всем фронтом. Наш полк занимал центр левого фланга общей линии. Наконец, по цепи стали передавать: «приготовиться к атаке». Словно электрический ток прошел через нас; кто стал поправлять амуницию, кто, сняв папаху, набожно крестился, невольно чувствовалось приближение великой минуты; но вот по цепи летит уже новое приказание «вперед»; перекрестившись выскакивают из окопов со словами: «Братцы! В атаку вперед». Словно муравьи, люди стали выпрыгивать из окопов, держа равнение направо, двинулись в штыки, глядя лицом в глаза смерти. Вначале нам повезло, ибо прошли шагом двести незамеченными (бой велся в лесу), но затем случилось какое-то замешательство и, дабы поддержать упавший дух, пришлось крикнуть: «ура», мы все продвигались вперед, не обращая внимания на пули.

¹ В боях на Равке 4 января 1915 г. немцы впервые на Восточном фронте применили отравляющее вещество (ксилилбромид). Во время боёв за Гумин и Волю Шидловскую начиная с 18 января немцы выпустили по русским позициям 18 тысяч снарядов с этим отравляющим веществом. В письме описываются последствия отравления ксиллбромидом.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 485.

Подойдя шагов на 30-40, случилось прямо таки несчастье. Все наступающие бросились на землю. Наши усилия (офицеров), поднять неожиданно свалившуюся на землю цепь, остались безуспешными. «Братцы, подтянись», «Ура», не привели цепь в движение. В это время огонь достиг наивысшего напряжения, пулемет немецкий работал во всю, сея смерть направо и налево. Здесь только не страх охватил меня, а досада; слезы появились на глазах. Ведь близко был противник. Все усилия поднять стрелков, словно волны, разбились о берег. От крика охрип, только жестами мог работать. Сколько времени прошло – не знаю; может быть, и час, а может быть, и несколько минут, но помню только, как все наступавшие бросились обратно. Увидя это руки повисли, словно плети. Спасти атаку не было возможности. Крики «стой», были пустыми звуками. Повернувшись к убегающим, я увидел только офицеров на одной линии с собою. Здесь впервые явилась мысль о самосохранении и, дабы не достаться живым в руки противника, пришлось и нам, офицерам, следовать за убегающими. Эту картину не забуду по гроб. Люди валились со всех сторон. Стон раненых, их крики: «Братцы, не оставляйте, помогите», визг пуль, все это сделало прямо таки ад; хотелось раненым помочь, да разве можно было это сделать? Если бы валялось два, три человека, а здесь ведь лежали сотни. Очутился я в старых окопах с небольшою группой людей. Необходимо было принять все меры против контратаки. Только тогда пришел в себя, когда все утихло. Разбирая случившееся, я едва сдерживал слезы; страшно жаль было утерянному. К вечеру потери выясни-

лись: убыло девять офицеров (как раз половина того, что имел после второго укомплектования), из них четверо убито и пять ранено. Нижних чинов выбыло из строя свыше 1.000 человек. Очень много людей осталось на поле сражения. Правда, спустя час, от каждой роты были высланы люди за ранеными, но немцы снова открыли сильный огонь – пришлось уйти. Многих, вероятно, подобрала германцы, участь же других, во всяком случае, печальна.

Вот и снова, вместо одиннадцати рот, осталось семь и то не полных. У меня в роте осталось 100 человек и то потому, что я в атаку шел с полуротой (другая полурота находилась в распоряжении другого полка, составляя резерв батальона), многие учувствовавшие в атаке роты вернулись меньше, чем в половинном составе; вследствие таких потерь, из двух, трех рот оставляли одну»¹.

6. *Выписка из письма с подписью: «Павлик», из действующей армии, 3 февраля 1915 г., к Ее Прев-ву Екатерине Петровне Папенгут, в Самарканд, Туркестанский край.*

«Попали мы в Волю Шидловскую. Этот бой действительно напоминает Бородинское сражение. Дрались мы героями, особенно пехота. Немцы шли колоннами, их было в 6 раз больше, чем нас. Был ад, я ничего подобного не видал. Все эти колонны удерживала наша 6-я батарея: другие боялись, потому что, стреляя, мы сами попадали под сильнейший обстрел. Но под конец у нас не хватило снарядов, и немцы прорвались и заняли завод². Этот несчастный завод представляет из

себя груды развалин. Там не было ни одной целой стены, потому что немцы раньше и днем и ночью били по ним тяжелой артиллерией, потом мы туда начали стрелять, выгнали немцев, но почему-то наша пехота его не заняла, и немцы вернулись. Положение было скверное, Нам, артиллерии, приказано было не отходить ни в коем случае, и мы ждали немцев у дул своих орудий. Мы были так близко, что пули свистали на батарее и ранили нашу прислугу. Мы сделали впереди батарее провололочное заграждение, поставили 6 пулеметов и спокойно ждали врага, и если бы он пошел, то не дошел бы: нельзя пройти через такой огонь.

Теперь мы стоим на отдыхе. Стоим мы без пушек. Сделали мы 10.000 выстрелов, пушки окончательно побились, подбили их и снаряды немцев, так что эти пушки у нас взяли, и мы теперь ждем новых»³.

7. *Выписка из письма с подписью: М. Вахруш...», из действующей армии, 28 января 1915 г., к Его Высокопревосходительству Михаилу Никифоровичу Кайгородову, в Гродно.*

«Какие только средства не пущены негодьями-немцами в ход! И проклятиями смутить желают, и удушливыми газами, тяжело ползущими по земле, стреляют. Влияние этих газов на большую площадь вызывают рвоту, иногда на некоторое время одурманивают и вызывают резь в глазах. Газ в роде формалина и сероводорода⁴. В окопы бросают накоротке сильно разрушительные мины. Ночью при надобности ярко освещают местность ракетами, а при отражении ночных

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 486-487.

² Автор письма имеет в виду винокурный завод, находившийся в Воле Шидловской.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 588.

⁴ Немцы использовали отравляющее вещество ксиллибромид.

атак выбрасывают из каких-то приборов струи горячего масла в виде огненных языков длиной аршина в три и больше¹. Но мы не унываем от немецких изобретений. Сами стали изобретать, и весьма полезное. Я непоколебимо убежден, что если мы не вложим меча в ножны, враг будет побежден в конце. Однако, начала конца войны я не вижу»².

8. *Выписка из письма без подписи, Варшава, от 13 февраля 1915 г., к В.П. Стеснягину, в Калугу.*

«Нашему полку приказано было атаковать господский двор Воля Шидловская, который немцы укрепили самым тщательным образом. Были всевозможные заграждения, препятствия, а главное – это бесконечное множество пулеметов. На протяжении двух верст у них было до 50 штук этого адского оружия. Атаковать нас заставили днем в 9 часов утра, так что можно представить тот ад, который получился и от артиллерийского огня, и от ружейного, и от пулеметного. Одному Богу известно, что только творилось. Вот где пришлось посмотреть на страдающих солдат от ранений. А сколько было трупов. Перед нами это место атаковал четвертый полк нашей дивизии; атака не удалась. Потом третий – атака тоже не удалась и, наконец, мы. Можешь себе представить, как дорого стоят эти глупые, ни к чему не ведущие атаки. Несколько тысяч людей должны были расстаться со своей жизнью. Мы подошли к противнику на 300 шагов, дальше идти было никакой возможности; пришлось занять канаву, идущую около дороги и наполненную водой. Вот это обстоятельство и заставило

простудиться. Все намочило, а к утру хватил мороз. Все мы оледенели»³.

9. *Выписка из письма с подписью: «Владимир», действующая армия, 219 пехотный Котельнический полк, от 5 февраля 1915 г., к Степану Исаевичу Халафову, в Москву, Малая Спасская улица, близ Сухаревой башни, 5.*

«Наш батальон держал труднейшую позицию под Гуминым, отразив 5 убийственных атак неприятеля. Немцы стреляют почти исключительно разрывными пулями, которые производят очень тяжелое впечатление, а главное ужасные поранения, да иногда угощают ядовитыми снарядами, от которых солдаты падают без чувств, как мухи, да и кроме того устраивают самые подлые ловушки. Все предыдущие события бледнеют перед последними. У нас тоже были газеты, в которых описывались эти бои («Русское Слово»), но это описание совершенно не соответствует действительности; если бы ты мог читать между строк... Ходят слухи о скором награждении нашего полка Георгиевским знаменем, прапорщики в том числе и я, получили по Станиславу, но все это мало радует, у всех одна мечта: победа и возвращение в семью. Хоть бы на неделю отойти подальше на отдых, ведь мы не раздевались с 8 ноября. Настроение какое-то странное: временами бодрое, временами доходящее до отчаяния; иногда дрожь от выстрела из своей же винтовки, а недавно совершенно хладнокровно вел свою роту в атаку, сознавая, что веду на верную гибель, так как вел ее против целого полка с пулеметами и против артиллерии. Не удивляйся – бывают такие распоряжения, приходится исполнять. Простая

¹ Этим «прибором» был огнемёт.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 494.

³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л. 735.

случайность спасла от гибели; послали человека с приказанием вернуться обратно. Убыль офицеров громадная, убыло более 35 человек, главным образом больными, да почти исключительно кадровые (действительные) офицеры; они отыскивают себе самые фантастические болезни. Ротами командуют прапорщики, а кто мог ожидать, что они, штатские люди, проявят стойкость, старание, храбрость, прямоту в смысле здравого взгляда и оценки событий, а главное нерасположительность к разного рода «заболеваниям». Приближается время ужасной польской грязи, грязи, через которую нельзя пройти человеку. Что же станет с тяжелыми пушками. Посмотрел бы ты, во что превратился этот край; от громадных прекрасных деревень осталось по несколько жалких домиков; в лесу не найдешь ни одного не попорченного дерева. Картина ужасная. Заводы, мельницы и замки – все снесено, сожжено»¹.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Гофман М. Война упущенных возможностей. – М.-Л., 1925. – 203 с.
2. Керсновский А.А. История русской ар-

- мии. В 4 тт. Т.3. Публ. В. Хлодовского; комм. С. Нелиповича. – М.: Голос, 1994. – 350 с.
3. Корольков Г.К. Лодзинская операция 2 ноября – 19 декабря 1914 г. – М., 1934. – 200 с.
4. Постников Н.Д. Письма с фронта забытой войны // Политическое просвещение. Орган Коммунистической партии Российской Федерации. 2013, № 3 (74). – С. 132-139.
5. Постников Н.Д. Последний бой Юрьевского полка // Великая война: сто лет / под ред. М.Ю. Мягкова, К. А. Пахалюка. – М.; СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 87-108.
6. Halsey F.W. The literary digest. History of the World War. – New York – London, 1919. – 392 p.
7. Kaliński S. Ataki gazowe w bitwie pozycyjnej 9 Armii Niemieckiej nad Rawką i Bzurą 1914-1915. Wydawnictwo Fort – Tomasz Idzikowski, 2010. – 190 s.
8. Reichsarchiv. Der Weltkrieg 1914-1918. Die militärischen Operationen zu Lande – Bd. 7 – Die Operationen des Jahres 1915. Berlin, 1931. – 493 S.
9. Rozdżestwieński P. M. Bitwa nad Rawką i Bzurą 1915. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bolimow1915.dobroni.pl/media/grh,bolimow-1915,1861,756,352.html> (дата обращения: 23.03.2014 г.).

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 583. Л.721-721об.